

MPHTI 10.81.51
УДК 343.54
JEL K14; K42

<https://doi.org/10.46914/2959-4197-2026-1-2-329-340>

АБУОВ А.Г.,¹

к.б.н., доцент.

e-mail: abuov@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9873-3530

МОЛДАГАЛИЕВА А.Д.,²

м.ю.н., старший преподаватель.

e-mail: aigerim.moldagaliyeva@yu.edu.kz

ORCID ID: 0009-0002-3122-9978

АБДУКЕРОВА А.М.,³

м.ю.н., ст. преподаватель.

e-mail: Aigul_kz85@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9342-9740

ЕНСЕБАЕВА А.Р.,^{*4}

к.ю.н., ассоциированный профессор.

*e-mail: nel1212kz@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6970-8945

¹Западно-Казахстанский университет

им. М. Утемисова,

г. Уральск, Казахстан

²Каспийский университет технологии и

инжиниринга им. Ш. Есенова,

г. Актау, Казахстан

³Кызылординский университет «Болашақ»,

Кызылорда, Казахстан

⁴ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

г. Астана, Казахстан

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА, РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация

Сексуальные преступления против несовершеннолетних характеризуются высокой латентностью и междисциплинарной природой, поскольку объединяют уголовно-правовой запрет, социальные риски и особенности криминального поведения. Цель исследования – сформировать криминологический портрет лица, совершающего сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, и выявить, как различия правового регулирования Казахстана, России и Германии влияют на профилактику и выявляемость таких посягательств. Научная и практическая значимость работы состоит в сопоставлении возрастных порогов защиты, специальных составов, а также постпенитенциарных мер контроля и лечения, включая реагирование на цифровые формы вовлечения и «контакт без контакта». Методология включает сравнительно-правовой и формально-юридический анализ норм, функциональное сопоставление институтов «надзор/лечение/регистры», а также синтез выводов современных обзоров по онлайн-грумингу и рецидиву CSEM-правонарушителей. Результаты исследования свидетельствуют: (1) о тенденции к сближению правовых систем в признании цифровых каналов самостоятельным криминогенным фактором; (2) о различиях в возрастной конструкции – установлении 16-летнего порога в специальных составах законодательства Казахстана по сравнению с 14-летним определением «ребенка» в уголовном праве Германии; (3) о неодинаковом значении медицинских и надзорных мер, включая прямое нормативное закрепление химической кастрации в Казахстане в качестве

принудительной меры. Практическая значимость заключается в формулировании рекомендаций по рискориентированной профилактике, учитывающей типологическую неоднородность правонарушителей и специфику национальных правовых рамок.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица, половые преступления, насильственные преступления, личность преступника, криминологический портрет, сравнительное правоведение, онлайн-груминг.

Введение

Проблематика сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних относится к числу социально наиболее чувствительных и юридически «сложных» сфер вследствие латентности, возрастной уязвимости потерпевших и широкой вариативности способов совершения деяния – от контактных посягательств до цифровых форм воздействия и эксплуатации. В официальных документах Германии прямо подчеркивается воздействие цифровизации: расширение онлайн-взаимодействия формирует новые «*tatmöglichkeiten*» («возможные варианты реализации преступления» или «способы совершения преступления»), а также способствует росту выявляемости благодаря «осветлению» латентной преступности. Вместе с тем статистические показатели могут варьироваться в зависимости от изменений законодательства [1]. В Казахстане и России аналогичные тенденции выражаются в одновременном ужесточении санкций и поиске механизмов контроля и терапии, а также в стремлении нормативно урегулировать феномен «контакт-без-контакта», включая онлайн-предложения в сети Интернет.

Объект исследования – общественные отношения, обеспечивающие половую неприкосновенность и нормальное развитие несовершеннолетних, а также механизмы уголовно-правовой защиты и постпенитенциарного контроля. Предмет – нормы уголовного и смежного законодательства Казахстана, России и Германии, а также данные/обобщения современной криминологии об основных характеристиках правонарушителей (социально-демографические признаки, типичные сценарии, рецидивные риски). Цель исследования – сформировать сравнительно-правовой и криминологический портрет лица, совершающего сексуальные преступления против несовершеннолетних, и показать, какие юридические конструкции усиливают профилактику и выявление. Для достижения цели решаются задачи: 1) сопоставить возрастные пороги защиты и ключевые составы; (2) сравнить специальные меры (надзор, лечение, транспарентность); 3) выделить криминологически значимые маркеры личности преступника и типовые сценарии; 4) сформулировать практико-ориентированные выводы.

Гипотеза: различия в «юридической архитектуре» (возрастные конструкции; наличие самостоятельных составов за онлайн-приставание/подготовку; встроенность медицинских мер) определяют не только санкции, но и «сигнальные» эффекты права – выявляемость, маршруты расследования и формат превенции. Современные систематические обзоры по онлайн-грумингу показывают устойчивый набор стратегий преступника (манипуляция доверием, постепенное сексуализированное смещение коммуникации, использование цифровых технологий), что делает правовую реакцию на «подготовительные» и бесконтактные действия самостоятельным фактором профилактики.

Материалы и методы

Материалами исследования выступают: а) уголовно-правовые нормы Республики Казахстан (включая специальные статьи о приставании сексуального характера к лицам до 16 лет и нормы о принудительных мерах медицинского характера, прямо включающие химическую кастрацию); б) российские нормы о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и смежные цифровые составы (например, использование информационно-телекоммуникационных сетей в деяниях, связанных с вовлечением несовершеннолетних в порнографическое производство); в) немецкие нормы StGB, где «ребенок» определен как лицо до 14 лет, а криминализация включает бесконтактные и подготовительные формы воздействия через контент (Section 176a–176b); г) официальные германские статистические сведения, отраженные в документе Бундестага и связанной с ним ссылочной цепочке на Lagebild (аналитический доклад о состоянии преступности); д) современные рецензируемые исследования

(2024–2026 гг.) по преступлениям, совершаемым в сети Интернет, особенностям рецидива и характеристикам правонарушителей.

Методы исследования: формально-юридический метод (анализ диспозиций/санкций и логики квалификации), сравнительно-правовой метод (сопоставление возрастных порогов и состава преступления), функциональный подход (сопоставление институтов «надзор/лечение/предупреждение» при различном нормативном дизайне).

Результаты

Современное уголовное законодательство Республики Казахстан демонстрирует тенденцию к дифференциации специальных составов и институционализации цифровых признаков преступного поведения. Так, статья о приставании сексуального характера к лицам, не достигшим 16 лет (статья 121-1 Уголовного кодекса РК), прямо включает совершение непристойных действий, сопряженных с предложениями «в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, включая сеть Интернет» [2].

Дополнительно статья о половых сношениях/иных действиях сексуального характера с лицом до 16 лет содержит примечание, раскрывающее понятие «иных услуг сексуального характера» и включающее дистанционные действия «в режиме реального времени посредством сетей телекоммуникаций, в том числе Интернета» [2].

Тем самым законодатель прямо «распаковывает» онлайн-коммуникацию как криминогенную среду и снижает риски пробелов квалификации в случаях бесконтактного давления или коммерческой/квазикommerческой эксплуатации.

В казахстанском праве также нормативно закреплена связка «уголовное наказание + принудительная медицинская мера» применительно к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Уголовный кодекс предусматривает основания применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц старше 18 лет, совершивших соответствующие посягательства, а среди видов таких мер прямо названы «химическая кастрация и лечение склонности к сексуальному насилию и расстройства сексуального предпочтения».

Порядок применения принудительной меры медицинского характера в виде химической кастрации конкретизируется подзаконным актом: приказ (№ 102 от 1 октября 2025 г.) закрепляет, что для осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних химическая кастрация применяется за шесть месяцев до освобождения и сопровождается процедурой направления материалов в суд для экспертизы [3].

Российская правовая конструкция фиксирует несколько «узлов»:

- 1) блок контактных/неконтактных составов уголовных правонарушений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;
- 2) блок цифровых преступлений, связанных с порнографическим производством/оборотом с участием несовершеннолетних;
- 3) институты медицинских мер и административного надзора после освобождения.

В части цифрового фактора показателен специальный квалифицирующий признак: использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет) прямо предусмотрено как отягчающее обстоятельство в статье 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (если деяние совершается, например, в отношении двух и более лиц, группой или с использованием сетей) [4].

В части постпенитенциарного контроля в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» предусматривает специальную категорию поднадзорных лиц: совершеннолетние лица, совершившие преступление против половой неприкосновенности ребенка до 14 лет и страдающие педофилией как расстройством сексуального предпочтения (не исключаям вменяемости), подлежат надзору «независимо» от иных оснований [5]. Тем самым нормативно формируется особая группа повышенного контроля, где медицинский диагноз (в юридическом смысле) влияет на режим посткриминального сопровождения.

Немецкая модель уголовно-правовой защиты половой неприкосновенности детей основывается на четкой возрастной дефиниции. В соответствии с § 176 Уголовного кодекса Германии – Strafgesetzbuch § 176 – сексуальные действия в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста, квалифицируются как сексуальное злоупотребление детьми (sexual abuse of children) и образуют преступление уже в рамках базового состава [6].

Законодатель исходит из концепции абсолютной возрастной границы согласия, исключаящей юридическую значимость добровольности поведения ребенка. Вместе с тем германское право допускает ограниченную возможность учета незначительной разницы в возрасте и уровне зрелости участников, что позволяет дифференцировать социально типичные подростковые контакты и случаи фактической эксплуатации уязвимости. Такая конструкция отражает реализацию принципа пропорциональности и направлена на недопущение избыточной криминализации.

Система норм StGB охватывает не только контактные, но и бесконтактные, а также подготовительные формы противоправного поведения. Так, § 176a предусматривает ответственность за воздействия без физического контакта, включая влияние на ребенка посредством порнографического контента. В свою очередь, § 176b криминализирует приготовление к сексуальному злоупотреблению детьми, в том числе посредством использования цифрового контента с целью побуждения несовершеннолетнего к сексуальным действиям либо к вовлечению в оборот материалов, содержащих детскую порнографию. Тем самым законодатель демонстрирует расширенный превентивный подход, направленный на пресечение преступного поведения на ранних стадиях [6].

В официальных аналитических материалах германских правоохранительных органов, в частности в докладах Bundeskriminalamt, подчеркивается, что цифровые феномены (cybergrooming, sextortion, livestreaming и др.) становятся устойчивыми каналами совершения преступлений против половой неприкосновенности детей. Отмечается их влияние на динамику зарегистрированных правонарушений, при этом по ряду показателей долгосрочный тренд оценивается как растущий либо стабильно высокий, что свидетельствует о трансформации криминальной среды под воздействием цифровизации [1].

Современные систематические обзоры и регистровые исследования демонстрируют, что криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних, отличается высокой степенью внутренней дифференциации, особенно в цифровой среде.

Онлайн-сегмент формирует специфические модели поведения, которые не сводятся к инструментальной роли сети как канала коммуникации [7]. Так, анализ исследований по проблематике cybergrooming выявляет устойчивые поведенческие сценарии и типологические группы правонарушителей, что позволяет рассматривать интернет-взаимодействие как самостоятельный криминогенный контекст, влияющий на структуру и динамику преступного поведения [8].

Регистровые данные по Германии, основанные на материалах Федерального центрального уголовного реестра, акцентируют внимание на феномене так называемого «crossover» – вероятности перехода от правонарушений, связанных с материалами сексуальной эксплуатации детей (CSEM), к контактными формам сексуального насилия. Подобная постановка вопроса усиливает значение риск-стратификации и комплексных превентивных механизмов, ориентированных на разные уровни угрозы [9].

В свою очередь, метааналитические исследования рецидива среди лиц, осужденных за CSEM-преступления, предоставляют эмпирически обоснованные показатели повторности. Эти данные используются для построения дифференцированных моделей управления рисками, поскольку лица, ограничивающиеся онлайн-активностью, и субъекты со смешанным (онлайн- и контактными) паттерном поведения могут существенно различаться по степени общественной опасности и вероятности повторного правонарушения [10].

Результаты проведенного анализа позволили уточнить, что криминологический портрет лица, совершающего сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, не может быть сведен лишь к набору социально-демографических признаков либо к констатации наличия сексуальных девиаций.

В современных условиях такой портрет складывается из трех взаимосвязанных уровней: 1) личностно-психологического, 2) поведенческого и 3) нормативно-институционального.

Личностно-психологический уровень охватывает искаженные представления о допустимости сексуализированного контакта с несовершеннолетними, склонности к рационализации причиняемого вреда, а также к социальной адаптации.

Поведенческий – выражается в повторяемых сценариях поведения, включая постепенное установление доверительных отношений с потенциальными потерпевшими, диагностику границ дозволенного, использование цифровой коммуникации для интеграции сексуализированных тем в общественный дискурс и перевод общения в закрытые каналы в целях создания культуры, где сексуальность не является табуированной темой.

На третьем уровне конструируется многогранный образ общественного опасного субъекта в связи с наличием расхождений в правовом восприятии и квалификации подобных ситуаций, что, в свою очередь, приводит к формированию различных представлений о социально опасной личности в рамках правовой системы.

С учетом данной позиции можно констатировать, что правовые модели рассмотренных стран отражают не только различия в механизме уголовно-правового регулирования, но и различия в криминологическом понимании личности субъекта правонарушения.

Казахстанское законодательство прямо выделяет приставание сексуального характера к лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст.121-1 УК РК), в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, включая сеть Интернет. Кроме того, казахстанский законодатель закрепил возможность применения химической кастрации в виде принудительной меры медицинского характера, что, в свою очередь, свидетельствует о признании факта наличия высокоуровневой устойчивости отдельных форм сексуальной девиации и необходимости максимально раннего и жесткого пресечения соответствующего поведения.

В то же время российская модель уделяет особое значение постпенитенциарному контролю, что позволяет говорить о восприятии правонарушителя в качестве субъекта пролонгированного риска.

Касательно германской правовой системы следует отметить наличие сложной типологизации субъектов данного вида преступлений. Немецкий законодатель последовательно дифференцировал контактные, бесконтактные и подготовительные формы противоправных деяний.

В целом, несмотря на наличие тех или иных различий в конструкции механизмов уголовно-правового регулирования, все законодатели стремятся к достижению единой цели снижения уровня рецидива. Лица, совершающие преступления, связанные исключительно с сексуальным аспектом в отношении несовершеннолетних, будь то сексуальная эксплуатация, посягательства, в том числе и с использованием всех форм телекоммуникаций, образуют различные группы как по степени общественной опасности, так и рецидивного потенциала. Следовательно, обобщенный образ так называемого «сексуального преступника» недостаточен для реализации эффективной уголовной политики.

Результаты проведенного исследования подтверждают необходимость применения стратифицированного подхода. Стратифицированный подход позволит соотнести медико-правовые механизмы с конкретной типологией правонарушителя. Именно смещение правовых механизмов с формального состава на типологизацию позволит минимизировать рецидивный потенциал.

Обсуждение

Сравнительный анализ свидетельствует о том, что правовые системы едины в признании значимости цифрового фактора, однако различаются по «порогам вмешательства» уголовного права. Казахстан и Германия характеризуются более непосредственной криминализацией подготовительных и бесконтактных форм воздействия: в Казахстане это закреплено в виде самостоятельной нормы о приставании к лицам, не достигшим 16 лет, с указанием на использование сети Интернет, тогда как в Германии соответствующие положения (§ 176a–176b StGB) предусматривают ответственность за влияние посредством контента и за приготовление к сексуальному злоупотреблению на уровне уголовного закона.

Российская модель чаще «распределяет» цифровые проявления по смежным составам (в т.ч. порнографическим), где Интернет выступает квалифицирующим признаком, а проблемы «грумминга» частично решаются доктринально и правоприменительно через общие формулы развратных действий и вовлечения. Нормативный эффект этих различий – неодинаковая широта уголовно-правового «коридора» для раннего вмешательства (до физического контакта) и неодинаковая нагрузка на доказательственные стандарты.

Различия в возрастных конструкциях уголовно-правовой защиты предопределяют формирование неодинакового «портрета риска» и влияют на квалификационные подходы. В Республике Казахстан используется критерий «лица, не достигшего 16 лет» в ряде специальных составов (ст. 121-1, 122, 124 УК РК), при этом отдельные особо тяжкие последствия и особо квалифицированные виды преступлений прямо соотносятся с категорией «малолетнего», что в ряде случаев влечет возможность назначения пожизненного лишения свободы.

Германская модель выстраивает базовую «детскую» защиту до достижения 14-летнего возраста в рамках § 176 УК ФРГ, тогда как оборот материалов, относимых к «youth pornographic content» (порнографические материалы с участием лиц в возрасте от 14 до 17 лет), нормативно дифференцируется с выделением подростков 14–17 лет в самостоятельных составах (в частности, § 184с), что формирует многоуровневую, ступенчатую систему охраны.

Российская правовая система в части ненасильственных составов (половое сношение и иные действия сексуального характера, развратные действия) также ориентирована на возрастной порог до 16 лет, однако институт постпенитенциарного надзора в отношении «медицински значимой» категории лиц связывается с посягательством на потерпевшего, не достигшего 14 лет, и наличием диагностированного расстройства сексуального предпочтения.

На наш взгляд, наиболее значимый вывод сравнительного анализа заключается не просто в фиксации различий между возрастными порогами, специальными составами и механизмами постпенитенциарного контроля, а в определении различных концепций уголовно-правовой политики, составляющих основу соответствующих правовых систем.

По сути, каждая из рассматриваемых правовых систем по-своему отвечает на фундаментальный вопрос, кем именно является лицо, совершающее сексуальное преступление против несовершеннолетних лиц: субъектом ситуативного отклонения или индивидом с устойчивой предрасположенностью к противоправному поведению. От ответа на этот вопрос зависит вся нормативная архитектура правовой культуры общества.

В этом сопоставлении представляется, что казахстанская модель демонстрирует жесткую и одновременно наиболее концептуально определенный алгоритм уголовно-правового реагирования. Национальный законодатель не ограничился только санкционным ужесточением, а выстроил систему, в которой правонарушитель рассматривается как носитель стойкой общественной опасности, требующей сочетания изоляции, последующего контроля и медицинского воздействия.

Именно в этом контексте следует оценивать нормативное закрепление химической кастрации в перечне принудительных мер медицинского характера. Оно выражает не только специальную превентивную установку, но и особое видение личности правонарушителя как субъекта, чье сексуально-девиантное поведение может сохранять высокий рецидивный потенциал.

В отличие от систем, где медицинская составляющая присутствует опосредованно либо растворена в более широких мерах наблюдения, казахстанская уголовно-правовая система позволяет институционально подчеркнуть, что в отдельных случаях одним лишь наказанием риск повторного посягательства не исчерпывается.

Подход, применяемый законодателем Республики Казахстан, акцентирует внимание на наличии дилеммы пределов государственного вмешательства в сферу телесной и психической независимости человека и гражданина.

Естественно, по сути, химическая кастрация не может рассматриваться как универсальное решение проблемы сексуальной преступности. Типология субъектов такого рода преступлений неоднородна, и механизмы рецидива варьируются в зависимости от сочетанного воздействия сексуальной девиации, личностных расстройств, наличия и характера предшествующего криминального опыта, уровня социальной дезадаптации и т.д. Оправданность применения химической кастрации может быть признана только при соблюдении условия строгой индивидуали-

зации, процессуальных гарантий, обязательной психолого-психиатрической оценки и включения в комплексную модель постпенитенциарного сопровождения.

В то же время российская правовая система делает акцент на управлении рисками посредством административного надзора с привязкой к особому режимному контролю. Подобного рода конструкция свидетельствует о стремлении законодателя придать правовое значение не только факту совершенного противоправного деяния, но и прогнозирования поведения лица в будущем. Однако, на наш взгляд, в российской модели в меньшей степени выражена ранняя уголовно-правовая реакция на онлайн-груминг, тем самым свидетельствуя о том, что, по сути, значительная часть превентивной функции де-факто переносится на правоприменителя и оказывается в прямой зависимости от степени готовности правоприменителя к расширенному толкованию действующих норм, что объективно повышает риск наличия неоднородной практики.

Германская модель напротив, выстроена на основе применения ранних превентивных мероприятий. Так как, по мнению немецкого законодателя, именно подготовительные и бесконтактные действия формируют начальный уровень криминализации. Отсюда вытекает и более сложное понимание криминологического портрета субъекта преступления через призму эмпирической типологизации субъектов (как по структуре мотивации, так и по вероятности перехода к контактному насилию).

С этой позиции германская уголовно-правовая система является методологически более чувствительной к современному уровню развития криминологической и психиатрической науки. Думается, что данная позиция основана на том, что не каждый CSEM-преступник тождественен контактному правонарушителю, однако при этом не выводит его на пределы правового поля превентивных интересов общества.

На наш взгляд, с позиции уголовной политики для Казахстана особо актуален вопрос о дополнении жесткой санкционной и медицинской модели развитой системы научной оценки рисков. Поскольку ни одна санкционная реакция не может дать полную гарантию минимизации рецидива, если алгоритм не принимает во внимание необходимость дифференциации между группами субъектов противоправного деяния. К примеру, различия между субъектами, нуждающимися в интенсивном медицинском вмешательстве, и лицами, нуждающимися в ином специализированном медицинском вмешательстве (терапия, психологическая коррекция и т.д.).

В этом смысле дальнейшее развитие казахстанского законодательства видится в совершенствовании комплексного подхода, при котором уголовно-правовое реагирование дополняется клинической диагностикой, оценкой особенностей цифрового поведения и системой постпенитенциарного мониторинга, что в совокупности представляет единую рискориентированную систему.

Именно такой подход позволит избежать таких рисков, как избыточная биологизация проблемы, недооценка устойчивости отдельных форм сексуальной девиации, чрезмерная вера в универсальность общих пенитенциарных мер.

Так, избыточная биологизация проблемы приводит к тому, что сложный комплекс правовых и медико-социальных факторов может подменяться представлением о правонарушителе как о носителе «дефекта», которого невозможно исправить. И в результате химическая кастрация начинает восприниматься в качестве универсального инструмента рискориентированного подхода к рецидивной политике. Однако данный подход в значительной степени ослабляет возможности развития научно обоснованной ресоциализации субъекта преступления.

Недооценка устойчивости отдельных форм сексуальной девиации может привести к игнорированию специфики сексуальных предпочтений, сопутствующих личности преступника и недооценке вероятности рецидива. Что может привести к тому, что формальное отбытие наказания не сопровождается реальным снижением риска повторных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Чрезмерная вера в универсальность общих пенитенциарных мер фактически нивелирует идею дифференцированного и рискориентированного подхода. В долгосрочной перспективе снижая эффективность уголовной политики в связи с применением одинаковых мер к принципиально различным по уровню опасности группам субъектов преступления.

Результаты проведенного сравнительного анализа свидетельствуют о том, что наиболее продуктивной является модель, состоящая из гибких медико-правовых механизмов, адаптиру-

емых к криминологическому профилю конкретного субъекта и к особенностям формирования его преступного поведения в цифровой и офлайн-среде.

Самостоятельным направлением научной полемики остается вопрос о медицинских мерах и их значении для предупреждения повторной преступности. В казахстанском уголовном праве химическая кастрация прямо отнесена к числу принудительных мер медицинского характера, а подзаконные акты конкретизируют порядок и условия ее применения, в том числе на этапе, предшествующем освобождению осужденного.

Российская модель использует иную терминологическую конструкцию: выражение «химическая кастрация» не закреплено в качестве базового понятия уголовного закона, однако система принудительных мер медицинского характера в сочетании с механизмами административного контроля фактически ориентирована на достижение сопоставимой цели – минимизацию вероятности рецидива и обеспечение управляемости поведения лица после отбытия наказания.

В германском праве вопросы терапии и постпенитенциарного контроля решаются посредством иных правовых институтов. При этом в «ядре» StGB, регулирующем ответственность за сексуальные посягательства на детей, приоритет отдан криминализации бесконтактных форм поведения и подготовительных действий, что переносит акцент профилактики на более раннюю стадию преступной активности.

С позиций современной криминологической теории ключевое значение приобретает именно ранняя «точка перехвата» в цифровой среде. Стратегии cybergrooming строятся на поэтапном вовлечении и постепенном наращивании интенсивности контакта; следовательно, нормативное закрепление ответственности за «воздействие через контент» и онлайн-предложения формирует дополнительный превентивный барьер еще до перехода к физическому взаимодействию.

Наконец, существенным компонентом сравнительного анализа выступает институциональная инфраструктура выявления и обеспечения прозрачности. В Республике Казахстан реализована практика официальной публикации открытых данных о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: соответствующие сведения размещаются на государственном портале открытых данных с указанием владельца набора (Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры) и сервисного URL, а также представлены в табличном формате посредством связанного GIS-инструмента. В Германии акцент делается на международное взаимодействие в сфере цифровых сигналов: подчеркивается рост количества уведомлений от NCMEC (National Center for Missing & Exploited Children – Национальный центр по делам пропавших и эксплуатируемых детей) и доля сообщений, признанных уголовно релевантными, что формирует специфическую «технологическую зависимость» процессов выявления и влияет на дискуссию о трансформации национальных институциональных механизмов [1].

Заключение

Сравнительно-правовой анализ показывает: криминологический портрет лица, совершающего сексуальные преступления против несовершеннолетних, в современных правовых системах все чаще рассматривается через призму цифровой среды, возрастных конструкций и институтов управления риском.

Казахстан демонстрирует «жесткую» модель с прямой уголовно-правовой фиксацией онлайн-предложений и дистанционных сексуальных услуг, а также с включением химической кастрации в перечень принудительных мер медицинского характера.

Германия выстраивает ступенчатую модель с определением ребенка до 14 лет и криминализацией бесконтактных/подготовительных форм через контент, что функционально охватывает онлайн-груминг и ранние стадии преступного поведения.

Россия сочетает традиционные составы с инструментами постпенитенциарного надзора (в т.ч. особый режим для лиц с педофилией и жертвой до 14 лет) и фиксирует Интернет как квалифицирующий признак в ряде смежных составов, связанных с эксплуатационными материалами.

Проведенный анализ позволяет дополнительно подчеркнуть, что для Республики Казахстан сравнительное исследование имеет не только познавательное, но и непосредственно приклад-

ное значение. Оно показывает, что последующая актуализация национальной модели противодействия сексуальным преступлениям против несовершеннолетних должно быть связано не столько с линейным усилением карательного компонента, сколько с усложнением алгоритмов рискориентированного подхода.

Как бы ни был высок уровень уголовно-правовой защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних, необходимо продолжать работу по расширению эмпирической базы оценки рецидива, формированию национальной типологии правонарушителей.

Практическое обобщение полученных результатов позволяет сделать вывод о целесообразности внедрения рискориентированной модели противодействия, включающей следующие направления:

1) формирование эмпирически подтвержденной стратификации правонарушителей с дифференциацией контактных, «исключительно онлайн» и «crossover»-групп на основе анализа данных о рецидиве и установленных предикторах повторного совершения преступлений;

2) системное сочетание уголовно-правовых механизмов с мерами постпенитенциарного надзора и специализированными терапевтическими программами при строгом обеспечении процессуальных и конституционных гарантий прав личности;

3) приоритетное укрепление механизмов ранней превенции в цифровой среде как пространстве, в котором зарождаются и институционализируются подготовительные стадии противоправного поведения.

В этом контексте казахстанская модель применения химической кастрации может рассматриваться как один из наиболее жестких элементов специальной превенции, однако ее эффективность и правовая легитимность напрямую зависят от того, встроена ли она в систему научно подтвержденной индивидуальной оценки риска. Следовательно, дальнейшая модернизация норм действующего законодательства и правоприменительной практики должна быть ориентирована на формирование единой комплексной модели, основанной на данных криминологии, психологии, психиатрии и сравнительного правоведения.

Тем самым криминологический портрет лица, совершающего сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, перестает быть исключительно описательной категорией и превращается в инструмент настройки уголовной политики и механизмов управления риском.

ЛИТЕРАТУРА

1 Deutscher Bundestag. Drucksache 21/2370: Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage «Sexualdelikte gegen Kinder – Gesetzeslage, Statistik und internationale Ermittlungsstrukturen». URL: <https://dserv.bundestag.de/btd/21/023/2102370.pdf> (accessed: 24.01.2026)

2 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 24.01.2026)

3 Приказ министра здравоохранения Республики Казахстан от 1 октября 2025 года № 102 «О внесении изменений в приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 15 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-262/2020 «Об утверждении правил применения принудительной меры медицинского характера». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500037010> (дата обращения: 24.01.2026)

4 Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.01.2026)

5 Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (с изм. и доп.). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.01.2026)

6 Strafgesetzbuch (StGB) vom 15. Mai 1871 (BGBl. I S. 127), in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322), zuletzt geändert (с изм. и доп. по состоянию на 25.02.2026). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (accessed: 24.01.2026).

7 Clark A., Coles C., Lankester M., Fernandes D., Blackwood N., Cavenham J., Dickson H. Recidivism rates among online child sexual exploitation material offenders: systematic review and meta-analyses // Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2025. DOI: 10.1080/14789949.2025.2603236.

8 Moosburner M., Weber C., Kuban T., Wachs S., Schmidt A. F., Etzler S., Rettenberger M. Understanding Cybergrooming: A Systematic Review of Perpetrator Characteristics, Strategies, and Types // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2025. DOI: 10.1177/15248380251316223.

9 Hörnle T., Tetal C., Wössner G. Reoffending after convictions related to child sexual exploitation material: Data from the German Federal Central Criminal Register // *Child Abuse & Neglect*. 2024. Vol. 153. Art. 106806. DOI: 10.1016/j.chiabu.2024.106806.

10 Clark A., Coles C., Lankester M., Fernandes D., Blackwood N., Cavenham J., Dickson H. Recidivism rates among online child sexual exploitation material offenders: systematic review and meta-analyses // *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 2025. DOI: 10.1080/14789949.2025.2603236.

REFERENCES

1 Deutscher Bundestag. Drucksache 21/2370: Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage «Sexualdelikte gegen Kinder – Gesetzeslage, Statistik und internationale Ermittlungsstrukturen». URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/21/023/2102370.pdf> (accessed: 24.01.2026 (In German)).

2 Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 ijulja 2014 goda No. 226-V ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (data obrashhenija: 24.01.2026) (In Russian).

3 Prikaz Ministra zdravoohranenija Respubliki Kazahstan ot 1 oktjabrja 2025 goda No. 102 «O vnesenii izmenenij v prikaz Ministra zdravoohranenija Respubliki Kazahstan ot 15 dekabrja 2020 goda No. KR DSM-262/2020 «Ob utverzhdenii pravil primenenija prinuditel'noj mery medicinskogo haraktera». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500037010> (data obrashhenija: 24.01.2026) (In Russian).

4 Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13 ijunja 1996 g. No. 63-FZ (s izm. i dop.). URL: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashhenija: 24.01.2026). (In Russian).

5 Ob administrativnom nadzore za licami, osvobodzhennymi iz mest lishenija svobody: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 6 aprelja 2011 g. No. 64-FZ (s izm. i dop.). URL: <http://pravo.gov.ru/> (data obrashhenija: 24.01.2026). (In Russian).

6 Strafgesetzbuch (StGB) (1871). Strafgesetzbuch vom 15. Mai 1871. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (accessed: 24.01.2026). (In German).

7 Clark A., Coles C., Lankester M., Fernandes D., Blackwood N., Cavenham J., Dickson H. (2025) Recidivism rates among online child sexual exploitation material offenders: systematic review and meta-analyses. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. DOI: 10.1080/14789949.2025.2603236. (In English).

8 Moosburner M., Weber C., Kuban T., Wachs S., Schmidt A. F., Etzler S., Rettenberger M. (2025) Understanding Cybergrooming: A Systematic Review of Perpetrator Characteristics, Strategies, and Types. *Trauma, Violence, & Abuse*. DOI: 10.1177/15248380251316223. (In English).

9 Hörnle T., Tetal C., Wössner G. (2024). Reoffending after convictions related to child sexual exploitation material: Data from the German Federal Central Criminal Register. *Child Abuse & Neglect*, 153, 106806. DOI: 10.1016/j.chiabu.2024.106806. (In English).

10 Clark A., Coles C., Lankester M., Fernandes D., Blackwood N., Cavenham J., Dickson H. (2025). Recidivism rates among online child sexual exploitation material offenders: systematic review and meta-analyses. *Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. DOI: 10.1080/14789949.2025.2603236. (In English).

АБУОВ А.Г.,¹

б.ғ.к., доцент.

e-mail: abuov@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9873-3530

МОЛДАҒАЛИЕВА А.Д.,²

з.ғ.м., аға оқытушы.

e-mail: aigerim.moldagaliyeva@yu.edu.kz

ORCID ID: 0009-0002-3122-9978

АБДУКЕРОВА А.М.,³

м.ю.н., аға оқытушы.

e-mail: Aigul_kz85@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9342-9740

ЕНСЕБАЕВА А.Р.,^{*4}

з.ғ.к., қауымдастырылған профессор.

*e-mail: nell212kz@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6970-8945

¹М. Өтемісов атындағы

Батыс Қазақстан университеті,

Орал қ., Қазақстан

²Ш. Есенов атындағы Каспий технологиялар

және инжиниринг университеті,

Ақтау қ., Қазақстан

³Қызылорда «Болашақ» университеті,

Қызылорда қ., Қазақстан

⁴Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ,

Астана қ., Қазақстан

КӘМЕЛЕТКЕ ТОЛМАҒАНДАРҒА ҚАТЫСТЫ ЖЫНЫСТЫҚ ҚЫЛМЫСТАР ЖАСАЙТЫН ТҰЛҒАНЫҢ КРИМИНОЛОГИЯЛЫҚ ПОРТРЕТІ: ҚАЗАҚСТАН, РЕСЕЙ ЖӘНЕ ГЕРМАНИЯ ЗАҢНАМАСЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Андатпа

Кәмелетке толмағандарға қатысты жыныстық қылмыстар жоғары латенттілігімен және пәнаралық сипатымен ерекшеленеді, өйткені бұл салада қылмыстық-құқықтық тыйымдар, әлеуметтік тәуекелдер мен девиантты мінез-құлық факторлары өзара тоғысады. Зерттеудің мақсаты-кәмелетке толмағандарға қарсы жыныстық қылмыстар жасайтын тұлғаның криминологиялық портретін қалыптастыру және Қазақстан, Ресей және Германия заңнамаларындағы құқықтық реттеу ерекшеліктерінің алдын алу мен анықтау тиімділігіне ықпалын салыстырмалы талдау. Жұмыстың ғылыми-практикалық маңызы қорғалатын жас шектерін айқындау, арнайы қылмыс құрамдарын бекіту, сондай-ақ жазасын өтеп шыққаннан кейінгі қадағалау және емдеу тетіктерін (оның ішінде цифрлық ортадағы «онлайн» байланыс арқылы азғыру және аңду құбылыстарын) функционалдық тұрғыдан салыстырумен айқындалады. Әдістемелік негізі салыстырмалы-құқықтық және формальды-заңдық талдауды, «қадағалау -емдеу -дерекқор» институттарын функционалдық салыстыруды, сондай-ақ онлайн-груминг пен интернет-қылмыс рецидивіне қатысты заманауи жүйелі шолуларды синтездеуді қамтиды. Зерттеу нәтижелері цифрлық арналар тәуекелін құқықтық тұрғыдан танудың күшеюін, жас санаттарын айқындаудағы айырмашылықтарды және медициналық-қадағалау шараларының рөлін әртүрлі реттеу модельдері аясында ашады. Практикалық құндылығы-құқыққолдану мен профилактика саласында тәуекелге бағдарланған ұсынымдарды негіздеу.

Тірек сөздер: кәмелетке толмағандар, жыныстық қылмыстар, зорлық-зомбылық қылмыстар, қылмыс-кердің жеке басы, криминологиялық портрет, салыстырмалы құқықтану, онлайн-груминг.

ABUOV A.G.,¹

c.b.s., associate professor.

e-mail: abuov@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9873-3530

MOLDAGALIYEVA A.D.,²

master of laws, senior lecturer.

e-mail: aigerim.moldagaliyeva@yu.edu.kz

ORCID ID: 0009-0002-3122-9978

ABDUKEROVA A.M.,³

master of laws, senior lecturer.

e-mail: Aigul_kz85@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-9342-9740

YENSEBAYEVA A.R.,^{*4}

c.l.s., associate professor.

*e-mail: nell212kz@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6970-8945

¹West Kazakhstan University

named after M. Utemisov,

Uralsk, Kazakhstan

²Caspian University of Technology and

Engineering named after Sh. Yessenov,

Aktau, Kazakhstan

³Kyzylorda Bolashak University,

Kyzylorda, Kazakhstan

⁴ENU named after L.N. Gumilev,

Astana, Kazakhstan

CRIMINOLOGICAL PROFILE OF INDIVIDUALS COMMITTING SEXUAL OFFENCES AGAINST MINORS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN, RUSSIA AND GERMANY

Abstract

Sexual offences against minors are characterized by high levels of underreporting and a pronounced interdisciplinary dimension, as they intersect criminal-law prohibitions, social risk factors, and offender-specific behavioral dynamics. This study seeks to construct a criminological profile of individuals who commit sexual offences against minors and to examine how differences in legal regulation across Kazakhstan, Russia, and Germany influence prevention, detection, and post-release risk management. The paper comparatively analyzes (i) age-based protection thresholds and offence structures, (ii) special legal mechanisms such as supervision, treatment, and transparency measures, and (iii) the regulation of online contexts, including grooming-related conduct, content-based influence, and technology-facilitated abuse. Methodologically, the research combines comparative legal and doctrinal analysis with a functional assessment of supervision and treatment regimes, as well as a synthesis of recent peer-reviewed evidence on cybergrooming strategies and recidivism patterns among online child sexual exploitation material (CSEM) offenders. The findings reveal convergence in recognizing digital environments as significant criminogenic factors, alongside divergence in age constructions and in the extent to which medical and supervisory measures are embedded within criminal-law frameworks. Practical implications include risk-oriented prevention and differentiated assessment strategies reflecting offender heterogeneity.

Keywords: minors, sexual offenses, violent crimes, offender personality, criminological profile, comparative law, online grooming.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.04.2026